

НѢМЕЦКІЕ ЭКОНОМИСТЫ О СОВѢТСКОМ ХОЗЯЙСТВѢ

Увлеченіе идеей связаннаго хозяйства, наблюдаемое сейчас в Средней Европѣ, заставляет нѣмецких экономистов внимательно присматриваться къ результатам первой пятилѣтки и къ грандіозной попыткѣ Совѣтской Россіи создать интегральное плановое хозяйство. Извѣстный берлинскій экономист Фридрих фон Готль, теоретическій отецъ рационализаци и фордизма, правильно выразил тревогу германской экономической мысли при видѣ серьезныхъ сдвиговъ в социальномъ экономическомъ умонастроеніи Средней Европы подъ влияніемъ дальнѣйшаго углубленія политизаци хозяйства в Россіи. «Большевицкій опыт», сказал онъ, подобенъ духовной лавинѣ русскаго вулкана, заливающей со стороны Востока мирныя нивы Запада». Та же тревога чувствуется и в рядѣ статей недавно вышедшаго нѣмецкаго сборника «*Note Wirtschaft*» подъ редакціей Добберта и извѣстнаго руссовѣда Отто Геча. Мы встрѣчаемъ здѣсь такія мысли, какъ допущеніе возможности зарожденія новой экономической эпохи на Востокѣ, какъ мысль об угрозѣ капитализму со стороны новыхъ революціонныхъ формъ экономического импульса и послѣдовательной этатизаци всего комплекса хозяйственныхъ отношеній.

В Германіи за послѣдніе годы нѣмнѣетъ слагаться справедливое мнѣніе о наличіи в Совѣтской Россіи самобытнаго хозяйственнаго строя, изученіе котораго не укладывается в обычныя рамки политической экономіи и требуетъ дальнѣйшей разработки цѣлаго ряда основныхъ экономическихъ понятій, являющихся лишь историческими категоріями хозяйства. В связи с этимъ возникаетъ необходимость и в созданіи специальныхъ изслѣдовательскихъ институтовъ. В русскихъ общественныхъ кругахъ нерѣдко приходится слышать мнѣніе, что нѣмцы больше знаютъ о Россіи, чѣмъ сами русскіе. И тѣмъ не менѣе лишь немногіе нѣмцы представляютъ о той большой академической работѣ, которая систематически ведется в Германіи по изученію «краснаго хозяйства». Первоначально эта работа была сосредоточена в Берлинѣ и Бреславлѣ, где функционировало общество по изученію Восточной Европы и были основаны соотвѣтствующіе научно-изслѣдовательскіе центры. Несмотря на то, что во главѣ Бреславльскаго Института стоитъ такой большой знатокъ Россіи, какъ проф. Ауагенъ, а работами берлинской организаци руководитъ видный специалистъ проф. Гечъ, центр по изученію русской экономіи в Германіи замѣтно перемѣщается в Кенигсбергъ, гдѣ функционируетъ особый институтъ по изученію Россіи и издается періодическій журналъ «*Ost-Europa-Markt*», редактируемый директоромъ восточно-европейскаго ярмарочнаго комитета консуломъ Юнасомъ. Здѣсь же, повидимому, начинаетъ сосредоточиваться и дѣятельность издательства, основаннаго Обществомъ по изслѣдованію Восточной Европы. Однако, не вся работа по изученію совѣтской экономіи сосредоточена в Берлинѣ и на востокѣ Германіи. Имѣются

еще такие центры и на западе, как-то: Институт социальных наук в Кельне и группа вокруг авторитетного экономиста Карла Манна. Все эти организации, наряду с отдельными видными знатоками России, как Георг Клейнов, фон Готль, Предоль, Фридрих Гофман и др., стараются вскрыть особенности советского хозяйства, определить его значение для дальнейшей эволюции капитализма и понять его «мессианский» активизм в Азии.

За последние годы в Германии были сделаны бесспорные успехи в деле изучения большевизма, но было бы ошибкой полагать, что трудный путь к осознанию самобытного характера советской экономики уже пройден немецкими экономистами, и что в их среде царит полное единодушие по этому вопросу. В настоящее время можно говорить лишь об общей тенденции германской экономической мысли, но нельзя отрицать того факта, что даже самый характер советского хозяйственного строя остается еще по существу спорным. Имется ряд теоретиков, утверждающих, что «красное хозяйство» есть меркантилизм, или государственный капитализм *suu generis*; другие видят в нем осуществление ранней фазы социализма на путях к социализму интегральному, и, наконец, третьи, наиболее позднее, течение настаивает на идеократическом характере «цфлостной политизации» русского хозяйства со стороны советской олигархии. Не совсем исчезло из германской литературы теперь уже устаревшее направление, настаивавшее на русской самобытности советского хозяйственного строя, яко бы вытекающего из дореволюционных условий русского хозяйства. Как ни странно, подобные мысли еще встречаются у столь ответственных русоисследов, как: ростовский экономист Юргенс Серафим, авторитетный ученый Прейер и ассистент при Кенигсбергском Институте по изучению России Кард Майнц. В последнее время теория «русскости» большевизма перестала пользоваться успехом в Германии, после того как на идею «западных корней» советского строя сошлись столь разные представители германской экономической мысли, как Отто Геч, Фридрих фон Готль и национал-идеократ Ганс Церер.

Несравненно большим успехом пользуется также весьма старое учение о «капиталистической» основе советского хозяйства; даже теоретики, настаивающие на социалистическом характере хозяйственного строя в России, как Геч и Добберт, говорят о применении большевиками «капиталистических методов». Часть представителей этого направления, хотя бы в лице Вальтера Ойкена, полагает, что сейчас в России раскрывается эпоха меркантилизма при одновременном обожествлении американской техники. Сходство с ранней фазой европейского капитализма они видят в независимости правительства, в принудительной индустриализации страны, в привлечении иностранных специалистов, в игнорировании коммерческого учета и т. д. Впрочем они сами не отрицают, что европейский меркантилизм не знал ни столь быстрого темпа индустриализации, ни столь радикальной реконструк-

ции сельского хозяйства. Это направление едва ли заслуживает особой критики. Утверждать, что большевизм есть «вогниане хлыстом докапиталистической страны в капитализм» — как это дѣлает Ойкен — значит не учитывать меркантилистической эпохи в истории русскаго хозяйства и не отдавать себѣ отчета в социально-экономическом умысле большевизма. Не менѣ отрицательное впечатлѣніе производят и разсужденія нѣкоторых германских национал-идеократов, хотя бы Ганса Церера, которые пытаются доказать, что большевизм есть «либерализм с марксистским знаком». По их мнѣнію, русскій народ открывает сейчас то, что уже 150 лѣтъ тому назад было открыто французской революціей. Русскіе яко бы только сейчас «изобрѣтают» машину, личность и искусство, переимывая у европейцев послѣднія достиженія техники. Церер рѣшается утверждать, что в Россіи зарождается западный либерализм, который приведет со-вѣты к неизбѣжному созданию особой большевицкой формы капитализма и парламентаризма.

Гораздо болѣе серьезными представляются нам разсужденія дру-гих сторонников «капиталистической теоріи» большевизма (грацскій экономист Вильгельм Андрес, Артур Юст, Андрей Предоль и многіе другіе), которые придают особое значеніе наличію в Совѣтской Россіи коммерческаго учета и иных «капиталистических методов». Еще в 1916 году, когда началось злоупотребленіе термином «государственный капитализм», Леопольд фон Визе правильно указал, что это понятие не выдерживает научной критики. Во всяком случаѣ оно не укладывается в рамки социологій хозяйства, которая опредѣляет природу хозяйственного строя в зависимости от господствующаго соци-ально-экономическаго умысле. То, что понимается под государственным капитализмом, является в дѣйствительности смягченной формой государственнаго социализма или простой экспансіей промышленнаго этатизма при постепенной эволюціи капиталистическаго строя. Агрессивный и контрольный характер экономических командных высот в Совѣтской Россіи лишает нас возможности уравнивать их с государственным сектором даже новѣйшей фазы капитализма. Как раз эту ошибку дѣлает авторитетный руссовѣд кильскій экономист Андрей Предоль, когда он утверждает, что в Россіи и на Западѣ имѣется один и тот же хозяйственный строй, — иными словами, государственный капитализм, только на разных ступенях своего развитія в сторону плановаго хозяйства. Столь же необѣднтельными кажутся нам попытки теоретиков «корпоративно-сословнаго» хозяйства, группирующихся вокруг Отмара Шпанна, которые слагаются доказать, что совѣтское хозяйство есть «капиталистическое извращеніе корпоративнаго строя». Смѣшеніе большевицких трестов и союзных объединеній совѣтских предприятий с синдикалистскими корпораціями является отличительной чертой этого направленія. Нерѣдко случается, что желаніе осмыслить или оправдать совѣтское хозяйство за-

ставляет немецких экономистов становиться на платформу капиталистической теории большевизма. Они в этом случае не замечают, что рентабельность той или иной операции в государственном масштабе может приносить вред интересам народного хозяйства. Так, например, советский экспорт, при правильном учете обезбещенія рубля внутри России и принудительного характера экспортного фонда, имеет вполне рентабельный характер. Столь же доходной оказывается и «товарная интервенция» при импорте, так как она дает возможность выгодно обменивать иностранные фабрикаты на крестьянское сырье, страдающее от «ножниц цен». Однако мы видим, что советцы предпочитают воздерживаться от рентабельного импорта средств потребления и тщательно скрывают доходность своих экспортных операций, развивающихся за счет внутреннего потребления. Таких примеров можно было бы дать множество. Даже среди сторонников капиталистической теории большевизма мы не встречали в немецкой научной литературе лиц, которые стали бы утверждать, что коллективизация сельского хозяйства, постройка малорентабельных гигантов и бурный темп индустриализации в Советской России были бы вызваны капиталистическим стремлением к рентабельности.

Необходимость сводить советские хозяйственные мероприятия к какой-то государственной или классовой целесообразности вместо частно-хозяйственной рентабельности заставляет многих немецких экономистов отстаивать социалистический характер советского хозяйства. Однако это направление, имеющее за собой много логических аргументов, наталкивается на ряд непреодолимых трудностей. С одной стороны, наличие отсылочных благ в форме денег, частичное допущение рыночной цены, сдельная форма заработной платы, частичный коммерческий учет и проч. как бы свидетельствуют о некоторой связи советского хозяйства с капиталистическими методами хозяйствования; с другой стороны, весь сложный комплекс политизации хозяйства, наблюдаемый сейчас в России, и отсутствие капиталистического устроения выявляют исключительное значение для советской экономики политического фактора «власти» и социально-экономического неравенства. Эти трудности для социалистической теории большевизма учитываются многими сторонниками разбираемой нами школы. Некоторые из них, хотя бы в лице Добберта и Александра Шлика, находят логический выход из положения, подчеркивая переходный характер современного хозяйственного строя в России, который рассматривается ими как ранняя фаза социализма. Другие представители этого направления, как Отто Геч, настолько подчеркивают «воспитательное» значение пятилетки и фактор «господства» в советской экономике, что они уже стоят на грани повышеи идеократической теории большевизма, рассматривающей советское хозяйство как сложную систему политизации всего комплекса хозяйственных отношений в интересах правящей олигархии. К этому направлению в немецкой

научной литературы, к которому примыкает пишущий эти строки, слѣдует отнести всѣх тѣх экономистов, которые, как Георг Клейнов, Карл Манн, Вольдемар Кох, Гидельхер Вирзинг и мн. др., придают особое значеніе фактору политизаціи и социальнo-экономическаго неравенства в совѣтской экономикѣ. В логическія рамки идеократической теоріи большевизма легко укладываются всѣ тѣ явленія, как, напримѣр, рыночная цѣна, сдѣльная заработная плата, или наоборот, отсутствіе принципа рентабельности, которыя своей діалектикой представляют непреодолимыя трудности для теоретиков иных направлений. Нѣкоторые представители этой школы учитывают нѣсколько азіатскій характер большевизма и его значеніе для политизаціи остальных хозяйств Азіи. Так Георг Клейнов, авторитетный изслѣдователь русских инородцев и Сибири, рассматривает большевизм как «татаро-турецкую диктатуру над исконно-славянской демократіей». Совѣтская олигархія, имѣющая — по мнѣнію Клейнова — романтичeskій характер, оставит по себѣ цѣлый ряд грандіозных памятников в видѣ Днѣпростроя, Турксиба, Магнитогорска и проч., но методы, примѣняемые большевиками при строительствѣ этих памятников, настолько напоминают средневѣковые приемы, что грозят Россіи лишити ее послѣдняго европейскаго колорита. Тот же Георг Клейнов подробно останавливается на значеніи совѣтской экономики для остальных народов Азіи в своем извѣстном трудѣ о красном империализмѣ. Впрочем утвержденіе азіатской миссіи совѣтскаго хозяйства встрѣчается и у представителей капиталистической теоріи большевизма. Так, напримѣр, мы читаем у Андрея Преодоля: «Либеральный капитализм не имѣл успѣха на азіатском континентѣ, не вышедшем из своих феодальных пут. Большевизм пробуждает спящія силы Азіи и производит в ней тѣ измѣненія, которыя в свое время были произведены либеральным капитализмом в Америкѣ и в других колониальных странах. Совѣтское хозяйство есть, по всей вѣроятности, специфически-азіатская разновидность нашей динамически-экспансивной системы хозяйства, отвѣчающая социальной структурѣ Востока.

Признаніе со стороны большинства нѣмецких экономистов самобытнаго характера совѣтскаго хозяйственнаго строя заставляет их давать новое толкованіе цѣлому ряду экономических понятій, имѣющих характер исторических категорій. Сейчас, конечно, не может быть и рѣчи о появленіи в Германіи особой монографіи, охватывающей с этой точки зрѣнія всѣ важнѣйшія явленія в совѣтской экономикѣ. Но интересныя попытки в этом направленіи были уже сдѣланы в нѣмецкой научной литературѣ. Так Карл Манн, Кох, Добберт, Шик и мн. др. дают особое «совѣтское» толкованіе понятіям бюджета, кредита, банка, заработной платы, профессиональных союзов, денег и проч., которое отвѣчало бы подлинной сущности совѣтскаго хозяйства и социальнo-экономическому умонастроенію большевизма. Слѣдует еще отмѣтить особый подход многих нѣмецких экономи-

стов к понятію «плана» в совѣтской экономикѣ. Они противопоставляют пятилѣткѣ, как сложному комплексу контрольных цифр, носящих преимущественно ориентировочный характер, болѣе широкий план в смыслѣ изначальной цѣлостной идеи большевизма. Сравнивая большевизм с фашизмом, кельнскій экономист Эрвин фон Бекерат утверждает, что большевики, в противовѣстность фашистам, динамичны в своей тактикѣ и чрезвычайно статичны в основной цѣли. При этом подходъ нарушение пятилѣтки уже не может рассматриваться как крушеніе изначального плана. В понятіе второго входило, напримѣр, рѣшеніе добиться стопроцентной коллективизации крестьянских хозяйств, в то время как первая пятилѣтка предусматривала коллективизацию лишь 14,7%. Ускоренный темп индустриализации страны, созданіе промышленных гигантов и недостаточная товарность измѣлчавших крестьянских хозяйств, предназначенных обслуживать промышленный сектор хозяйства, заставили большевиков ускорить темп коллективизации сельского хозяйства и довести число обобществленных хозяйств к началу 1933 года до 80%. Первая пятилѣтка, как форма тактики, нынѣ явно нарушена, но изначальный план, как идея, приблизился к своему осуществленію. При таком смѣлом взглядѣ на совѣтское планированіе, необходимо прійти к выводу, что и самое понятіе плана в совѣтской экономикѣ пріобрѣтает собою иной характер, отличный от социально-экономическаго плана в рамках связаннаго хозяйства на частно-хозяйственной основѣ, о котором сейчас так много пишут в нѣмецкой экономической литературѣ. При таком подходѣ совѣтское хозяйство уже не может рассматриваться как подлинное плановое хозяйство и лишь сохраняет нѣкоторый оттѣнок организованности в смыслѣ подчиненія всего комплекса хозяйственных отношеній изначальной цѣлостной идеѣ. Характерно, что и тѣ нѣмецкіе экономисты, которые не раздѣляют оригинальной трактовки совѣтскаго плана (а их, пожалуй, большинство), не придают особаго значенія неуспѣхам первой пятилѣтки. Возможную опасность для большевизма они видят в діалектическом сличеніи мерквящаго бюрократизма с крайним держаніем в области хозяйства — о чем так краснорѣчиво повѣствует сборник о красном хозяйствѣ под редакціей Лобберта. Не менѣе опасным для совѣтскаго строя представляются им также чрезмерное недоѣзаніе населенія, оппозиція со стороны колхозов и расточительность гигантскаго строительства. «Совѣтская Россія — говорит Предоль — стоит, как колосс на глиняных ногах, опьяненный успѣхами американской техники: та же вѣра в безконечный техническій прогресс, то же преклоненіе перед количеством, то же стремленіе к безпредѣльному и то же роковое смѣщеніе конъюнктуры с линіей вѣкового развитія». Нѣмецкіе экономисты не отрицают, что совѣтское хозяйство представляет собой угрозу для капиталистических стран Запада, но ощущают ее не в политическом дампингѣ, наличие котораго многими отрицается, и не

в сверхиндустриализации России, полезность которой многими признается, а почти исключительно в заразительности большевистского социально-экономического унастроения. Эту мысль отчетливо выразил Отто Геч в следующих словах: «Проблема советской экономики с точки зрения мирового хозяйства заключается не в вопросах калькуляции себестоимости и конкуренции, а в чисто психологических моментах. Экономический кризис ослабляет принцип частной собственности и тем увеличивает притягательную силу русского большевизма».

Б. Ижболдин.

ПОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРЕССА

Давно уже «Новый Град» не откликался на издания тех пореволюционных течений, с которыми его связывают друзья и противники, и с которыми у нас, действительно, есть общий фонд идей и стремлений. Думается, однако, что «Новый Град» неправильно зачислял к пореволюционному лагерю. Его место — стоять в стык двух участков анти-большевистского фронта: старой и молодой эмиграции.

Три номера «Утверждений» уже вполне определили их лицо. Перед нами менше всего орган «утверждений», но скорее исканий и дискуссий; если утверждений, то лишь по аподиктической форме, — во всяком случае, утверждений разного порядка. В передовице ном. 3 редакции сама характеризует журнал, как «орган широкой концентрации». Как им широки рамки «Нового Града», но он уже, отъединившись от «Утверждений». «Новый Град» хочет быть органом одного направления, хотя и не партии, «Утверждения» же приближаются к типу пореволюционной трибуны — для всех. Я думаю, что не погрешу против истины, сказав, что «Утверждения» — это орган всех пореволюционно настроенных эмигрантов, которые не могли вытесниться в уже оформившиеся группы (евразийцев, младороссов и иных).

Мы видим в этой функции журнала его главный политический смысл. При отсутствии политического действия, главное призвание эмиграции — в независимой общественной мысли. Здесь ценен каждый отблеск индивидуальных мнений, поскольку он может пригодиться для построения России. «Новый Град» не может быть таким «парламентом мнений», как ни дорожит он духовной свободой. Для широкого круга лиц «Утверждения» создали такую трибуну.

К сожаленью, приходится признать, что наиболее интересные статьи в «Утверждениях» принадлежат гостям, людям мало или ничем не связанным с редакционной группой. В ном. 3 таковы дискуссионные статьи Устрялова, Дмитриевского и В. Иванова. Последняя однако, при своей талантливости, дышит такой откровенной старорежимно-чер-